

людям — так что вроде бы неудивительно, что он не был всеобщим любимцем. При этом неприязнь к нему совсем не всегда строилась на личных обидах. Невозможно удержаться и не привести полностью прекрасный в своей карикатурности отрывок из письма писателя Бориса Зайцева:

«Сестра моя Надя недавно заявила мне тихим своим и покорным голосом: „Не нравится мне Сирин (Сирин: псевдоним Набокова до переезда в Америку.— А. Н.). Кривляка“. И замолчала, опустила глаза... Сирин провел собою такую линию, „разделительную черту“: евреи все от него в восторге — „прухно“ внутреннее их пленяет. Русские (а уж особенно православные) его не любят. „Русский аристократизм для Израиля“».

Вообще трен неприязни к Набокову в эмигрантских кругах лежал в основном не в сфере личного «как он смел так со мной», а в сфере общего «как он смел так с нами».

«Прочтите в „Лолите“ воспоминания героя о русском шофере, который отбил у него жену, — пишет литературная деятельница из первой эмиграции Ольга Можайская. — Какая ненависть против всех нас».

То есть Набоков аттестуется как некто, кто был «одним из нас», а теперь зазнался, отделился и вот позволяет себе. (На этом месте вспоминается аналогичная реакция современных отечественных литераторов на выступление Михаила Шишкина против Минпечати. Да что только не вспоминается.) История взаимоотношений Набокова с западным литературным миром проще и,

если не считать ревнивого чувства, которое вызвал у многих его постлолитовский успех, описывается цитатой из незнакомой лично с писателем Ханны Арендт. «Есть нечто в Набокове, чего я не переношу. Словно он все время хочет показать тебе, какой он умный. И словно он считает себя умнее всех». Иногда (скажем, когда писатель Кингсли Эмис пишет, что «способен стерпеть все, даже поток сознания, но только не повествователя, которому нельзя верить», а Виктория Сэквилл-Уэст, подруга Вирджинии Вулф, ставшая прототипом Орландо, — что «Лолита» обладала бы большей убедительностью, если б это было бы именно «исследование эксцентричного и редкого вида извращения») поражаешься — насколько он и впрямь умнее.

Так что, да, книга у Николая Мельникова получилась интересная, со встроенным нервом. Ну и полезная, в том смысле, что поучительная. Потому что среди всех осуждателей и обсуждателей Набокова лучшим, причем просто недостижимо лучшим, выглядит Корней Чуковский. Получив известие, что Набоков выставил его в «Других берегах» необразованным и глуповатым, он пишет: «Никак не могу представить себе, зачем и над чем он глумится... Конечно, это не мешает мне относиться ко многим его произведениям с любовью, радоваться его литературным успехам, — 65 лет литературной работы приучили меня не вносить личных отношений в оценку произведений искусства».

Нам бы так уметь.

М.: НЛО, 2013

«ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА» РАСКЛАДЫВАЕТСЯ НА ДВЕ «НАБОКОВСКИЕ» ИСТОРИИ, А ОНИ, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, СКЛАДЫВАЮТСЯ В ТРЕТЬЮ, КАСАЮЩУЮСЯ УЖЕ ПРЯМО-ТАКИ ЛЮБОГО

ГАЛЕРЕЯ VIP

21 МАРТА 19:00

Маринс Парк Отель

АЛЕКСАНДР РОГОВ

«Идеальный базовый гардероб-конструктор»

ОБУЧАЮЩИЙ СЕМИНАР

KASSIR.RU
428-99-99

12+

230-56-66

WWW.GALLERYVIP.RU